УДК 82-93; 087.5
DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-102-107

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ-СКАЗКЕ С. К. ДАНИЛОВА «ПРИНЦЕССА АГАШКА В СТРАНЕ НЕВЕДОМЫХ ЗВЕРУШЕК»

Ю. О. Чернявская

Томский государственный педагогический университет, Томск

Исследуются приемы построения художественного пространства в повести-сказке С. К. Данилова «Принцесса Агашка в Стране Неведомых Зверушек». Реальное пространство, представляющее собой угол под лестницей старого деревянного дома, трансформируется в фантазии героини в особый сказочный мир, в котором сплетаются отрывки воспоминаний и несистематизированные сведения об окружающем мире. Приключения героини связаны с перемещением в пространстве, преодолением преград, что характерно для фольклорной сказки. Героиня стремится упорядочить окружающий хаос пространственных объектов, не поддающихся космоизации: сказочное пространство миметично, его структуризация по принципам реального мира невозможна. Пространство непосредственно связано с героиней, создающей с помощью своей фантазии целый мир, населенный волшебными существами и имеющий узнаваемые сказочные топосы (кисельные болота, молочные реки), реалии современного мира (старый сарай, улица Тверская). В сознании ребенка они наделяются сказочными функциями. Пространство Страны соответствует архетипическим моделям: открытое пространство противопоставляется закрытому. Важную роль в пространственной модели выполняет оппозиция «верх-низ». В сказке С. К. Данилова переосмысливается сюжет волшебной сказки, связанный с обрядом инициации. Обретшая сакральное знание в «темном-пре-темном» углу под лестницей, соединяющей разные пространственные уровни, параллельно пережив мнимую смерть – инициацию в сарае Старьевщика, получив сакральное знание в подземной пещере киголов, героиня выходит из пространственного тупика и весело бежит вверх, преодолевая безысходность «пропащего» места.

Ключевые слова: С. К. Данилов, «Принцесса Агашка», детская литература, повесть-сказка, литературное краеведение.

Сергей Константинович Данилов родился в 1956 г. в Барнауле, закончил механико-математический факультет Томского госуниверситета в 1978 г., долгое время работал программистом в Томске и Барнауле, является членом Союза российских писателей [1]. Сказка «Принцесса Агашка в Стране Неведомых Зверушек» была опубликована в 2004 г. [2] и пока еще ни разу не становилась объектом внимания литературоведов, хотя она представляет собой один из достойных образцов современной литературы для детей, воспроизводя фантазийный мир ребенка в лучших традициях жанра литературной сказки.

Пространство в повести-сказке можно условно разделить на два топоса – вымышленный и реальный. Реальный мир включает в себя детский дом и прилегающую к нему территорию, где всякое происшествие имеет вполне объяснимое значение, но перекодирована фантазией ребенка в пространство сказочное, в котором происходят удивительные события повести.

Название первой главы «Пропавший угол» задает двухкодовость восприятия пространства, в том числе благодаря многозначности лексемы «пропащий» (место для непослушных, «пропавших» детей и место, откуда пропадают). С одной стороны, это угол под лестницей детского дома, куда ставят наказанных. В реальном мире, где ребенок обделен вниманием и заботой (детский дом), угол – знак безысход-

ности. С другой стороны, это таинственное место, откуда однажды исчез воспитанник Мишка Фролков, впоследствии найденный на Тверской улице. Отсюда девочка Агашка попадает в Страну Неведомых Зверушек. То есть «пропащий угол» представляет собой локус не тупика, а перехода.

Для классической детской литературы подобный прием является традиционным. В «Приключениях Алисы в Стране чудес», «Алисе в Зазеркалье» Л. Кэрролла героиня попадает в сказочный мир через кроличью нору и зеркало, в «Хрониках Нарнии» К. С. Льюиса – через платяной шкаф. В обоих случаях проникновение в сказочный мир осуществляется в определенном переходном месте, а граница маркируется.

Важным, на взгляд автора, оказывается и семантика слова «угол». С точки зрения Г. Башляра, «любой угол в доме, в комнате, любой укромный уголок... есть пространство одиночества для нашего воображения <...>. «Обживаемый» угол во многих аспектах отвергает, ограничивает, скрывает жизнь. Угол отождествляется с отрицанием Вселенной» [3, с. 68]. Мотив угла уже давно стал объектом исследования литературоведов¹. Традицион-

¹ Как пишет М. Н. Панкратова, в достоевсковедении «концепт „угол“ – символ уединения, ухода героя от реальной, земной жизни и гармоничного обращения в ограниченный мир собственных фантастических, неизбежно губительных мечтаний и умозаключений... Это особое метафизическое пространство, в которое заключают себя многие персонажи писателя» [4].

но «углы» и «тупики» становятся символом безысходности, замкнутости в русской литературе XIX в. в творчестве Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова. Угол, в котором оказалась Агашка, называется «пропащим». В «Малом академическом словаре» дается несколько значений этого слова: «1. Такой, который нельзя вернуть, получить назад. Неудавшийся, безнадежный... 2. Исчезнувший неизвестно куда, долго пропадавший где-л... 3. Близкий к гибели, оказавшийся в безвыходном положении... 4. Дурной, неисправимый, ни к чему не пригодный» [5]. В прямом значении это место, в котором можно пропасть, исчезнуть. В переносном – место отверженных. Агашка, накормившая детей пирожными из песка и оставленная за это в «пропащем углу», действительно «пропадает», чтобы оказаться в ином, сказочном мире.

В сказке С. К. Данилова, героиня переходит в сказочный мир посредством совершения определенных действий: «Ох, Агашка, ну и достукаешься ты у меня! – раздался из столовой грозный голос нянюшки... – Как достукаешься? – заинтересовалась Агашка, – обо что? Чем достукаешься? И, вообще, что случится, если достукаюсь?.. Агашка пристукнула по деревянному полу... Подпрыгнула... но вдруг понеслась вниз со страшной быстротой, – ой-ёй-ёй, кажется, достукалась» [2].

Семантическая двойственность слова вполне прозрачна. В прямом смысле «достукаться» означает производить стук. Стучаться – значит пытаться получить доступ куда-либо (прямое значение – стучать в дверь, чтобы получить разрешение войти). В разговорной практике это слово характеризуется как возможность «предосудительным поведением, легкомысленными поступками навлечь на себя беду, неприятность» [5]. Агашка понимает слова няни в прямом, а не переносном значении, что свойственно детям дошкольного и младшего школьного возраста [6].

«Пропащий угол» в завязке характеризуется как «темный-претемный, страшный-престрашный..., куда ставят за очень большие провинности» в «огромном-преогромном, старом-престаром, деревянном-предеревянном доме» [2]. Так формируется узнаваемый топос детской страшилки, для которой характерны система повторов («огромный-преогромный», «старый-престарый», «темный-претемный»), градация, усиливающая, нагнетающая ощущение ужаса. Угол напоминает место, где собираются дети, чтобы в подходящей «жуткой» атмосфере рассказывать друг другу страшные истории. Тем более жутко там оказаться одному. Однако в повести-сказке определяющим становится оптимистический настрой героини. Агашка наделена способностью в любых обстоятельствах сохранять жизнелюбность, что помогает ей выходить по-

бедителем из любой ситуации. Кроме того, пока Агашка «пропадала» в углу, няня читала детям сказки (о чем мы узнаем уже в самом конце повествования). Вероятно, приключения героини навеяны сюжетами услышанных историй. Таким образом, «пропащий угол» ассоциируется не с тягостным одиночеством и безысходностью, а местом, в котором открывается мир фантазии, сказки, небылицы.

В произведениях Л. Кэрролла и К. С. Льюиса героини оказывались в фантастическом мире, проходили разного рода испытания и в конце своего квеста получали возможность вернуться в реальный мир. Два мира, реальный и воображаемый, были отделены друг от друга переходным пространством кроличьей норы, шкафа, зеркала. В «Принцессе Агашке» эти два мира сосуществуют параллельно. Сказочный мир доминирует, однако реальный постоянно «просвечивает» сквозь него, напоминая о себе как о заведомо условном. Так, топнув ногой в «пропащем углу», Агашка неожиданно оказалась в Стране Неведомых Зверушек, обнаруживая себя под деревом, под которое, судя по всему, упала. Героиня отдает себе отчет в том, что она, скорее всего, спит и видит сон, остается в сказочной стране сознательно для того, чтобы потом рассказать о своих приключениях в группе. Однажды реальный мир вторгнется в сказочный непосредственно – во время нападения Красного Быка (глава «Няня Клэня – Высшая Сила»). В самый опасный момент сверху появится рука няни, отбросившая чудовище в сторону, в результате чего Красный Бык из свирепого животного превратится в мягкую игрушку, напоминающую плюшевый диван. Все это снимает страх, напряжение, напоминая о том, что события, происходящие в сказке, вымышлены и не несут реальной угрозы. Сама принцесса в новом мире остается девочкой, воспроизводящей правила, усвоенные из своего социального опыта. Так, призывая к порядку ссорящихся друзей, Агашка использует интонации и выражения детдомовских педагогов.

Пространство Страны изначально предстает как неструктурированное, оно обретает свою географию и топографию в процессе освоения ее героиней: в начале своего появления в Стране Агашка называет безымянную поляну Тверской, видимо, вспомнив историю о «пропавшем» Фролкове. Номинация носит откровенно фантазийный характер: «Мы находимся на Тверской улице? – Господь с вами, матушка, ... – да у вас сотрясение мозга, не иначе. – Что, разве не Тверская? – удивилась Агашка, рассматривая лесную опушку и дорогу, покрытую мягкой теплой пылью, по которой очень здорово бегать босиком. – Но очень похоже на Тверскую. Прямо вылитая, правда, Камердинер? – Со-

вершенно вылитая, Ваше Высочество... – Если изволите пожелать, можно эту поляну переименовать в Тверскую прямо сейчас» [2].

Вначале пространство Страны предстает как незнакомое, чтобы ориентироваться в нем, Агашке нужен спутник, проводник, которым выступает ее давно потерянная новогодняя игрушка. Спасаясь от разлива чернильной реки, она бежит в королевский замок вместе с Камергером, показывающим дорогу. Затем Агашка знакомится непосредственно с пространством, которое ее окружает, обнаруживая знакомые координаты – замок, как и детдом, окружен кустами малины, а пыльная дорога воспринимается как известный топоним – Тверская (видимо, название улицы всплыло в ее памяти в связи с исчезнувшим и оказавшимся на этой улице Фролковым). Агашка стремится расширить свои представления о Стране. На вопрос, что еще здесь есть, она получает «исчерпывающий» ответ: «Вот, за поляной – лес, потом еще поляна, там дальше снова вроде бы лес или полянка, а может, кусты просто. Одним словом, всего полно, Ваше Высочество!» [2]. То есть при первом знакомстве пространство не поддается структуризации, оно аморфно и расплывчато. Попытки Агашки детализировать и номинировать окружающие пространственные объекты иронически обыгрываются автором.

Первым делом Агашка отправится в замок, представлявший собой двухэтажный домик, казавшийся «Заком, наверное, из-за высокой башенки наверху с петушком – флюгером, который вертелся на острой спице» [2]. Замок окажется небольшим, но уютным – со «спаленкой», «балкончиком», «кухонькой». По контрасту «огромным» «темным» и «страшным» выглядит подвал с затынутыми паутиной бочками лимонада и варенья. Перед Заком росли розы, кусты малины и можжевельника². С точки зрения Г. Башляра, «если бы не дом, человек был бы существом распыленным. Дом – его опора в ненастьях и бурях житейских. Дом – тело и душа. Это первомир для человека. Прежде чем быть «заброшенным в мир»,... человек покоится в колыбели дома» [3, с. 29]. Не случайно Агашка (в реальном мире бездомная сирота) в первую очередь заботится о том, чтобы у всех жителей Станы Неведомых Зверушек были свои дома, выпуская указ, подлежащий немедленному исполнению. К сожалению, этот указ оказался неосуществимым (как не восполняется в новом мире другая существенная недостача – там нет родителей), поскольку

строить домики, как оказалось, было некому. Да и сам Замок едва ли выполняет свою функцию убежища и защиты – его крыша протекает во время дождя, он не стал спасением во время потопа: вода скрыла его целиком, и героям пришлось спасаться на плоту, а возникший ниоткуда крошечный домик Сигмочки оказался всего лишь шуткой неведомых зверушек Пути и Пуси. Тем не менее в своих странствиях Агашка и ее друзья всегда будут возвращаться к дому-замку, дереву с табличкой «Тверь». Дерево становится своего рода осью, центром мироздания, точкой отсчета в неструктурированном пространстве Страны³. Помимо всего прочего, Замок коррелируется воспоминаниями о реальной жизни в «старом-престаром» детском доме с углами, изъеденными крысами, «пропащим углом» под лестницей, откуда и начались странствия Агашки.

Сказочное пространство оказывается населено не только друзьями, в нем открываются разные опасности. Если первое приключение было вызвано стихийным наводнением и потопом, то второе, еще более опасное, стремлением Агашки исправить свою ошибку и вернуть верного пса Арбалета, попавшего по ее вине в руки Старьевщика, олицетворяющего забвение, небытие, смерть. В поисках пса героиня отправится в Тартарары по дороге через «черный-пречерный, страшный-престрашный» лес, внутри оказавшийся светлым и открытым. Сердце Тартарары представляет собой старый сарай, в котором хранятся «богатства» Старьевщика. Популярное выражение «провалиться в тартарары» воспринимается ребенком как конкретное место, представленное в виде заброшенного строения на задворках, окраине обжитого пространства, образуя его полярную противоположность. Как и в сказке, путешествие в страну мертвых⁴ представляет собой мнимую смерть, связанную с обрядом инициации [9, с. 146]. Заманив Агашку в сарай и покрыв ее мертвой пылью, Старьевщик превращает героиню в неподвижную немую куклу, и только благодаря помощи верных друзей девочка вновь станет сама собой. Это превращение также носит пространственный характер – героиня оживет, только оказавшись за пределами Тартарары, в Стране Неведомых Зверушек.

После счастливого возвращения статус Агашки уже не подвергается сомнению, она и ее друзья

³ «Древо мировое помещается в сакральном центре мира... и занимает вертикальное положение. Оно является доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенного пространства» [7].

⁴ Тартарары, в греч. мифологии Тартар – «место муки в подземном мире. У Гомера... называется место заключения титанов, отличное от ада. Позднее употреблялся для обозначения подземного мира вообще» [8].

² Подобное описание дома, старого, запущенного, но уютного и, главное – своего собственного, а потому родного, находящегося среди такого же запущенного сада на тихой, скорее деревенской, нежели городской, улице, встречается в другом романе С. К. Данилова – «Домик в центре с девушкой и собакой» (1995).

устраивают бал с рыцарским турниром и царским угощением. После праздника «инициированная» принцесса решает осмотреть свои владения, более того, составить карту Страны Неведомых Зверушек. Желание познакомиться со страной, более того, картографировать, то есть систематизировать принадлежащее ей пространство, становится следующим шагом в освоении окружающего мира и объясняется вполне детским желанием побывать у Шоколадного вулкана⁵. Теперь уже никакие «Высшие Силы» не будут вмешиваться в события, Агашка самостоятельно принимает сложные решения, находит новых друзей и помощников – лаптеплетов, птеродактиля Цыпу, киголов. Прирученным окажется даже внушавший ранее ужас Красный Бык.

Все приключения героев сказки так или иначе оказываются связанными с перемещением в пространстве, преодолением преград, возникающих на пути, что характерно для фольклорной сказки [10]. Герои пересекают лес, болото, попадают в подземелье. Желание сориентироваться в окружающем мире свидетельствует о попытках Агашки как-то упорядочить окружающий хаос пространственных объектов, но они не поддаются космизации. Ближе к концу повести-сказки, когда героиня уже приблизится к границе своих владений, то есть исчерпает пространственный ресурс, выяснится, что в Стране Неведомых Зверушек нет постоянных пространственных координат. В результате экспериментов таинственных киголов пространство постоянно изменяется: «Да у нас, Ваше Высочество, семь пятниц на неделе, каждый божий день что-нибудь исчезает, но что-нибудь и появляется... <...> – Зачем тогда рисовать карту, если каждый день все кругом меняется? – Ну, все да не все, Ваше Высочество, может что-нибудь да останется!» [2]. Единственное, что получается у Агашки – выделить в сказочном мире центр. Так, после очередного приключения она каждый раз будет попадать в исходное место – под дерево с надписью «Тверь», с которого упала в сказочной стране.

Замкнутое пространство угла позволяет героине совершить побег в страшный и одновременно притягательный своей непознаваемостью открытый, постоянно меняющийся мир. Агашка не в состоянии сидеть на месте, тем более «пропадать» в углу. Она совершает побег в чудесное пространство, существующее по своим законам. Если мир детского дома – мир структурированный и организованный (со строгим распорядком дня, нормами поведения и пр.: «Агафья, перестань сейчас же выть! – сказала

педагог Радостева, проходя мимо. – Стоять в углу следует по стойке смирно! Совершенно недисциплинированный ребенок [2]), то пространство сказки максимально открыто и миметично.

Пространство непосредственно связано с героиней – Агашкой, создающей с помощью своей фантазии целый мир, населенный волшебными существами и имеющий узнаваемые сказочные топорсы и локусы – темный лес, кисельные болота, молочные реки, пещера (по аналогии с замком Кощея Бессмертного). Сюда же вплетаются узнаваемые реалии современного мира (старый сарай, улица Тверская, город Тверь). В сознании ребенка, не выходившего за пределы территории детского дома, они наделяются сказочными функциями – абстрактная Тверь оказывается созвучна вполне понятному «дверь», оказавшейся входом в подземный мир киголов, а замок принцессы соотносится с представлениями Агашки о типичном доме в небольшом городе (кирпичный, двухэтажный).

Пространство Страны соответствует архетипическим моделям: открытое пространство противопоставляется закрытому. Природные топорсы залиты солнечным светом, даже «темный лес» изнутри оказывается светлым и открытым; пространство дома, Замка, сарая характеризуется как запущенное, темное, пыльное. Но при этом дом/Замок осознается как «свое», понятное, а открытое пространство связано с хронотопом дороги – чужим, неизвестным, полным опасностей и испытаний.

Кроме того, важную роль в пространственной модели выполняет оппозиция «верх-низ». Героиня то падает (проваливается) в волшебную страну, то поднимается на крышу замка, оказывается *под* водой, летит на воздушном шаре, снова проваливается в подземное царство и в результате очередного «провала» оказывается в привычном месте – «пропащем углу» детского дома. Если в начале повести Тартарары (подземный мир в греческой мифологии) оказывается обычным серым сараем, то в конце Агашка окажется в настоящем подземелье – царстве киголов. Здесь героиня обретет истинное знание о Стране Неведомых Зверушек, после чего состоится ее возвращение в исходную точку – «пропащий угол», т. е. реальный мир.

Так, в сказке С. К. Данилова переосмысливается сюжет волшебной сказки, связанный с обрядом инициации. Обретшая сакральное знание в «темном-претемном» углу под лестницей⁶, соединяющей

⁵ Тема сладостей становится в повести одной из центральных: постоянно упоминаются лимонад, шоколад и другие дефицитные продукты, представленные гиперболизировано – в бочках, озерах, вулканах и т. д.

⁶ «Традиционный мифопоэтический образ вертикали, связи верха и низа... В пространственной символике лестница соединяет рай и преисподнюю, пересекая три космические зоны: миры богов, людей и демонических сил (умерших, злых духов, хтонических животных). Благодаря такому пронизыванию космоса (а также и по психологическим мотивам) лестница выступает очевидным образом «прорыва» через уровни существования» [11].

разные пространственные уровни, параллельно пережив мнимую смерть – инициацию в сарае Старьевщика, получив сакральное знание в подземной пещере киголов, героиня выходит из пространственного тупика и весело бежит *вверх*, преодолевая безысходность «пропащего» места.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-70005 а (р) «Творчество сибирских писателей и сибирская тема в литературе XX–XXI веков для детей и юношества».

Список литературы

1. Данилов Сергей Константинович // Краеведческий портал «Земля Томская». URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/2547/> (дата обращения: 12.08.2016).
2. Данилов С. К. Принцесса Агашка в Стране Неведомых Зверушек: повесть-сказка для детей младшего и среднего возраста. Томск: б. и., 2004. 77 с. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-540/> (дата обращения: 14.10.2016).
3. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.
4. Панкратова М. Н. «Световая» лексика и пространство «угла» в творчестве Ф. М. Достоевского // Новый филол. вестник. 2007. 1(4). С. 174–182.
5. Малый академический словарь / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/13160/> (дата обращения: 15.10.2016).
6. Питеркина Ю. С. Фразеологизмы детской речи // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена 2009. № 108. С. 128–133. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-v-detskoj-rechi#ixzz4QZAB50nQ> (дата обращения: 10.10.2016).
7. Топоров В. Н. Древо Мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 398–406 URL: http://pryahi.indeed.ru/mythology/research/drevo_mirovooe.html (дата обращения: 18.10.2016).
8. Энциклопедия мифологии. URL: <http://slovariiki.org/enciklopedia-mifologii/5410> (дата обращения: 14.11.2016).
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
10. Лихачев Д. С. Художественное пространство сказки // Поэтика древнерусской литературы. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/index01.php (дата обращения: 12.11.2016).
11. Лестница // Энциклопедия символики и геральдики. URL: symbolarium.ru/index.php/Лестница (дата обращения: 12.11.2016).

Чернявская Юлия Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: ucher@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 05.11.2016

DOI 10.23951/1609–624X-2017-2-102-107

FEATURES OF ART SPACE IN S. K. DANILOV'S STORY FAIRY TALE "THE PRINCESS AGASHKA IN THE COUNTRY OF UNKNOWN ANIMALS"

Yu. O. Tchernyavskaya

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article is devoted to the research of methods of creation of art space in S.K. Danilov's story fairy tale. The real space representing a corner under the ladder of the old wooden house is transformed in the character's imagination into the special fantastic world, in which the fragments of memoirs and unsystematized data on the world around are weaved. Adventures of the character are connected with movement in space, overcoming barriers, that is characteristic of the folklore fairy tale. The character seeks to order the surrounding chaos of the spatial objects which resist ordering: fantastic space is imitative, and its structurization is impossible by the principles of the real world. The space is directly connected with the character creating by means of her imagination of the whole world inhabited by magic beings and having recognizable fantastic topoi (kissel swamps, dairy rivers), realities of the modern world (an old shed, Tverskaya Street). In consciousness of the child they are allocated with fantastic functions. The space of the Country corresponds to archetypical models: the open space is opposed to the closed one. An important role in the spatial model carries out the opposition "top-bottom". The plot of the magic fairy tale connected with an initiation ceremony receives reconsideration in S. K. Danilov's fairy tale. Having found the sacral knowledge in a "dark-dark" corner under the ladder connecting different spatial levels, having in parallel experienced imaginary death – initiation in the Ragman's shed, having received sacral knowledge in an underground cave of kigol, the character breaks a spatial impasse and cheerfully runs up, overcoming the hopelessness of the "lost" place.

Key words: *S. K. Danilov, "Princess Agashka", children's literature, story-tale, literary regional studies.*

References

1. Danilov Sergey Konstantinovich. *Kraevedcheskiy portal "Zemlya Tomskaya"* ["Tomsk Land" Local History Portal]. (in Russian). URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/2547/> (accessed 12.08.2016).
2. Danilov S. K. *Princessa Agashka v Strane Nevedomykh Zverushek: povest'-skazka dlya detey mladshogo i srednego vozrasta* [Princess Agashka in the country of unknown small animals: the story-tale for young and middle-aged children]. Tomsk, b. i., 2004. 77 p. (in Russian). URL: <http://elibrary.tomsk.ru/purl/1-540/> (accessed 14.10.2016).
3. Bashlyar G. *Izbrannoye: Poetika prostranstva* [Favorites: Poetics of space]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 376 p. (in Russian).
4. Pankratova M. N. "Svetovaya" leksika i prostranstvo "ugla" v tvorchestve F. M. Dostoevskogo ["Light" vocabulary and the space of "angle" in the works of F. M. Dostoevsky]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philology Journal*, 2007, no. 1(4), pp. 174–182 (in Russian).
5. *Malyy akademicheskiy slovar'. 2-e izd., ispr. i dop.* [Small academic dictionary. 2nd ed., amended and supplemented]. Edited by A. P. Evgenyeva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981–1984 (in Russian). URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/13160/> (accessed 15.10.2016).
6. Piterkina Yu. S. Frazеologizmy detskoy rechi [Idioms of child's speech]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2009, no. 108, pp. 128–133 (in Russian). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frazеologizmy-v-detskoy-rechi#ixzz4QZAB50nQ> (accessed 10.10.2016).
7. Toporov V. N. Drevo Mirovoye [World Tree]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2 t.* [Myths of the World: encyclopedia: Encyclopedia in 2 vol.]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1980. Pp. 398–406 (in Russian). URL: http://pryhi.indeed.ru/mythology/research/drevo_mirovoe.html (accessed 18.10.2016).
8. *Entsiklopediya mifologii* [Encyclopedia of mythology] (in Russian). URL: <http://slovariiki.org/enciklopedia-mifologii/5410> (accessed 14.11.2016).
9. Propp V. Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (in Russian).
10. Likhachev D. S. Khudozhestvennoye prostranstvo skazki [Artistic space of tales]. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian literature] (in Russian). URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/index01.php (accessed 12.11.2016).
11. Lestnitsa [Stairs]. *Entsiklopediya simvoliki i geraldiki* [Encyclopedia of symbols and heraldry] (in Russian). URL: symbolarium.ru/index.php/Lestnitsa. (accessed 12.11.2016).

Tchernyavskaya Yu. O., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: ucher@sibmail.com.